

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПЕРИПЕТИИ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ Г. И. ХАНИНА)

ДИДЕНКО ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ*,

*кандидат исторических наук,
аналитик 1 категории, государственная корпорация «Банк развития и
внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», г. Москва,
старший научный сотрудник, Институт социологии РАН, г. Москва,
e-mail: ddidenko@bloomberg.net*

В статье рассматриваются ключевые аспекты отечественной экономической истории в преломлении суждений и оценок, предлагаемых в фундаментальном и оригинальном 3-томном труде Г. И. Ханина. Отмечаются такие сильные стороны данной работы, как ее фундаментальность, энциклопедичность, широкая информационная база, научная добросовестность, критическая оценка достоверности различных показателей советской и постсоветской статистики. Обращается внимание на профессионализм автора в проведении анализа различных отраслей и секторов национальной экономики. В то же время признаются спорными и нуждающимися в корректировке основные выводы Г. И. Ханина о высокой эффективности централизованно управляемой экономики и исторической неудаче ее рыночной трансформации. Наряду с конкретно-историческими аспектами, освещенными в работе Г. И. Ханина, в статье обсуждается комплекс связанных с ними методологических вопросов: о возможности выбора альтернатив исторического развития, вызовах к модернизации и силе институциональной инерции, критериях эффективности социально-экономических трансформаций, влиянии идеологий на выработку и реализацию экономической политики.

Ключевые слова: национальная экономика; институты; модернизация; централизованная экономика; экономические реформы; рыночная экономика; макроэкономическая статистика; экономическая мысль.

THE INDIVIDUAL VIEW ON THE COMPLEXITIES OF THE NATIONAL ECONOMY MODERNIZATION (REFLECTIONS ON THE BOOK BY G. I. KHANIN)

DIDENKO DMITRY, V.**,

*Candidate of Historical Sciences (PhD),
Senior Analyst, State Corporation 'Bank for Development and Foreign Economic Affairs
(Vnesheconombank)', Moscow,
Senior researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: ddidenko@bloomberg.net*

* Содержание статьи выражает личное мнение автора и может не совпадать с позицией указанных организаций.

** The contents of the paper express the author's own views which are not necessarily shared by the institutions of his affiliation.

The paper is based on reflections on the key aspects of the Russian national economic history through the lens of judgments and assessments proposed in the fundamental and specific 3-volume work by G. I. Khanin. The paper stresses such strong points of this research as its fundamental and encyclopedically wide coverage, broad informational base of sources, academic 'bona fide' and critical approach to reliability of various indicators of the Soviet and post-Soviet statistics. Especially highlighted is the author's proficiency in the author's analysis of various branches and sectors of the national economy. At the same time, the two principal judgments by G. I. Khanin are criticized as subjects to doubt and possible revision: as regards to high efficiency of the centrally planned economy and historical failure of its market-oriented transformation. Alongside with specific historical aspects highlighted in the work by G. I. Khanin, the paper discusses a set of methodological issues: on feasibility of choice of alternatives in historical development, challenges to modernization and the power of path dependence, criteria of efficiency of socio-economic transformations, influence of ideologies on elaboration and implementation of economic policy.

Keywords: national economy; institutions; modernization; centralized economy; economic reforms; market economy; macroeconomic statistics; economic thought.

JEL: B20, B24, N14, O52, P20, Y30.

Добротных обобщающих научных работ по экономической истории России выходит очень мало. Тем более обращает на себя внимание 3-томный труд Г. И. Ханина. Это фундаментальная и комплексная работа как аналитического, так и во многом систематизаторского характера. Ее место в отечественной экономической историографии определяется тем, что она наследует лучшие традиции классических обобщающих работ С. Г. Струмилина, А. Л. Вайнштейна, П. И. Лященко, П. А. Хромова. До сих пор в отечественной и зарубежной научной (не учебной) литературе труду Г. И. Ханина, пожалуй, нет аналогов, посвященных и советскому, и постсоветскому периоду отечественной экономической истории с охватом столь широкой проблематики.

Г. И. Ханин, получивший широкую известность на родине и за рубежом в годы «перестройки» как специалист по советской экономической статистике, в этом труде показал свой высокий уровень критического исследователя применительно и к постсоветскому периоду. Если в отношении советской экономики авторское изложение может показаться слишком конспективным, учитывая его работы конца 1980-х – начала 1990-х гг., то в отношении постсоветской экономики – это одно из наиболее глубоких, детальных и многосторонних независимых исследований. И первое (хотя и не главное) достоинство, на которое обращаешь внимание с первых страниц работы, – она написана качественным литературным русским языком.

Хотя автор – профессиональный экономист, в рассматриваемом труде он выступает как историк, включающий в анализ элементы гражданской истории, в той мере, в какой они связаны с экономической. В работе нашел отражение более широкий, по сравнению с традиционным, подход к экономике, при котором она рассматривается как важная, но все же часть, исторически определенной общественной системы, в ее связи с социальными, политическими, социокультурными факторами и критериями. Это тем более важно в отношении советского периода, поскольку именно тогда экономическая рациональность в наибольшей степени была подчинена другим, внеэкономическим целям¹. Тем не менее работа сфокусирована на экономических аспектах общественных трансформаций.

¹ На это, в частности, указывал А. Г. Фонов (Фонов, 2010. С. 159-163, 169-177, 185-265), определяя сущностные черты «мобилизационного типа развития» экономики.

Автор, имеющий оригинальный взгляд на отечественную экономическую историю, изучает ее во многом через эволюцию институтов и предпочитает определять эффективность различных экономических систем с точки зрения их собственных критериев, то есть насколько они достигали поставленных перед собой целей при имевшихся ограничениях. Сохранив приверженность идеям, получившим метафорическую характеристику «социализм с человеческим лицом», автор строго придерживается принципа научной добросовестности, что, к сожалению, редко характерно для политически окрашенных работ в области экономики (а тем более истории).

Разноплановая информационная база включает не только (и даже не столько) статистические источники, критической оценкой которых автор получил широкую известность, но также мемуары современников, сообщения средств массовой информации, отечественную и зарубежную исследовательскую литературу, посвященную специальным вопросам.

Автор предпочел традиционный для историков нелинейный хронологический масштаб. Так, 1 том охватывает период примерно в 50 лет, 2 том – 4 наиболее важных переходных года от СССР к России (1988-1991). И 3 том (1 часть) – 7 лет радикальных реформ в постсоветской России (1992-1998). Таким образом, наибольшее внимание получил десятилетний период системной трансформации нашего общества, а именно переход от централизованной к рыночной экономике.

Советская централизованно управляемая экономика

1 том посвящен экономике советского периода и оперирует статистическими данными по СССР в целом. Разделить историю СССР и России в советский период действительно трудно. Ведь Россия (РСФСР) всегда являлась системообразующей и доминирующей частью СССР.

Бросается в глаза то, что в 1 томе опущены периоды НЭПа (1920-е гг.) и перехода от НЭПа к централизованно управляемой экономике (конец 1920-х – первая половина 1930-х гг.). Это тем более удивительно, что в запомнившейся со студенческих времен статье (*Ханин, 1989*) автор акцентировал внимание именно на том, какие задачи не получалось решить в его рамках. Такая постановка проблемы определенно выбивалась из апологетики НЭПа, консенсусной для исторической публицистики периода перестройки. В рамках рассматриваемой работы она позволила бы сильнее аргументировать позицию автора, объясняющую закономерность (но не обязательно предопределенность!) демонтажа НЭПа и перехода к «командной» (или, точнее, централизованно управляемой) экономике.

Основное место в содержании 1 тома занимает оценка эффективности институциональной модели развития советской экономики. Автор предпочитает оперировать именно термином «командная», избегая употреблять термин «мобилизационная». В то время как, на наш взгляд, именно он наилучшим образом характеризует специфику централизованно управляемой экономической системы СССР в период 1930-х – начала 1950-х гг.

Автор пишет, что именно в конце 1930-х гг. были заложены основы ее успешного развития на протяжении нескольких десятилетий (*Ханин, 2008. Т. 1. С. 4*). Было бы неправильным характеризовать этот вывод как апологию сталинизма и характерных для него мобилизационных методов управления экономикой². Кроме того, по мнению Г. И. Ханина, признание экономических возможностей командной экономики не предопределяет предпочтительность и целесообразность возвращения к ней с точки зрения наличия для этого реальных возможностей (*Ханин, 2008. Т. 1. С. 177*), как и соотношение ожидаемых выигрышей и возможных потерь (*Ханин, 2008. Т. 1. С. 182*). Он также отмечает, что хотя коренное изменение структуры экономики явилось решающим фактором ее динамичного развития в 1930-1950-е гг.,

² Равно как вряд ли следует принимать за апологию рабства признание лауреатом Нобелевской премии по экономике Р. Фогелем (*Fogel, 1989*) его экономической эффективности в США.

огромные потрясения и жертвы в указанный период показали опасность таких чрезмерно быстрых сдвигов (Ханин, 2008. Т. 1. С. 375). Что и определило консерватизм советского руководства в отношении структурной политики с середины 1960-х гг.

Действительно, приводимый автором (и не только им³) материал вряд ли вызывает сомнения в способности советской централизованной экономики достигать реализации поставленных целей на приоритетных направлениях развития материального производства. Также обращает на себя внимание проявившаяся аналогичная способность в сфере интеллектуального производства и в связанных с ней наукоемких отраслях материального производства (Ханин, 2008. Т. 1. С. 180). Собственно, *скорость* и была критерием эффективности для советского политического руководства, которое публично артикулировало его значимость для страны догоняющего развития⁴. Но содержание рассматриваемого труда скорее подтверждает то, что успехи мобилизационной экономики индустриального типа в опережающем человеческом развитии относились прежде всего к сфере количественных показателей (средняя продолжительность обучения, количество дипломированных инженеров в структуре рабочей силы, наконец, что очень немаловажно – в продолжительности жизни населения) и на основе адаптации к собственным потребностям заимствуемых технико-экономических укладов.

Автор неоднократно отмечает определяющую роль научно-технических достижений экономически развитых стран в проведении советской индустриализации (Ханин, 2008. Т. 1. С. 45, 73), делая справедливый вывод о «заимствованной основе» экономического развития СССР. Что характерно и для других стран догоняющей модернизации. И, ссылаясь на опыт ускоренной индустриализации в Японии, он обращает внимание, что это также можно считать достижением, поскольку для него требуется определенная образовательная подготовка рабочей силы. Иная роль заимствований отмечалась в поздний советский период. Технологическая зависимость от развитых стран за период 1960-1970-е гг. явно возросла, в частности, по наиболее передовому технологическому укладу, связанному с применением промышленных компьютеров (Ханин, 2008. Т. 1. С. 426, 498). Усиливалось отставание и по срокам начала производства компьютеров каждого следующего поколения (Ханин, 2008. Т. 1. С. 426). Эти свидетельства автора корреспондируют с приводимыми независимо от него Ю. П. Бокарёвым (Бокарёв, 2007. С. 145, 151, 161–162).

Хотя автор не предлагает собственных стоимостных оценок отечественного человеческого капитала и, как правило, использует его косвенные (но важные!) параметры, он придает огромное значение роли этого фактора производства в социально-экономической модернизации страны в советский период. Так, по его мнению, изменения в сфере образования в 1930-е гг. имели наиболее долгосрочные последствия для развития советской экономики (Ханин, 2008. Т. 1. С. 20, 93), а количественные и качественные улучшения состава кадров в народном хозяйстве (в том числе рабочих) явились главным фактором огромных успехов советской экономики в 1950-е гг. (Ханин, 2008. Т. 1. С. 94).

В отношении периода 1966-1987 гг. автор справедливо отмечает снижение уровня государственного финансирования таких отраслей формирования человеческого капитала, как просвещение и здравоохранение (Ханин, 2008. Т. 1. С. 463-464), а также замедление роста удельного веса занятой в них рабочей силы (Ханин, 2008. Т. 1. С. 462), ухудшение реальной отдачи в этих сферах – качества образования, снижение продолжительности жизни населения (Ханин, 2008. Т. 1. С. 465). Следует также отметить, что сокращение относительного уровня

³ Из зарубежной литературы, в наибольшей степени аргументирующей позицию Г. И. Ханина эконометрическими расчетами, следует отметить вышедшую в 2003 г. на английском языке работу Р. С. Аллена (Аллен, 2013).

⁴ Данный вопрос рассматривался нами применительно к накоплению человеческого капитала (Диденко, 2012. С. 634, 642).

финансирования образовательной сферы началось уже с конца 1940-х гг., а снижение относительного уровня оплаты труда преподавателей – еще раньше (Диденко, 2012).

Автор обращает внимание на низкую эффективность научных исследований в СССР (Ханин, 2008. Т. 1. С. 219-225, 233), пожалуй, за исключением военной сферы (Ханин, 2008. Т. 1. С. 492-496). При том, что в 1960-1970-е гг. финансирование науки увеличивалось феноменальными темпами. Но он же приводит оценку, согласно которой 80% затрат на науку в конце 1950-х гг. имело военную направленность (Ханин, 2008. Т. 1. С. 75), хотя эта доля снизилась до 50% в 1970-е гг. (Ханин, 2008. Т. 1. С. 149).

В этой связи возникает отдельный вопрос о роли военных расходов в экономическом развитии СССР. В целом из содержания работы следует, что более высокий по сравнению с экономически развитыми странами уровень военных расходов явился существенным фактором кризиса советской экономики в 1970-1980-е гг. Но из него же следует, что в период 1930-1950-х гг. военные задачи были фактором ее быстрого развития. По-видимому, дело все-таки в оптимальном уровне и динамике таких расходов.

По нашему мнению, главный вывод Г. И. Ханина, что командная экономика способна добиваться экономических результатов, «часто лучших по сравнению с экономиками самых передовых и быстро развивающихся стран» (Ханин, 2008. Т. 1. С. 179), все же нуждается в корректировке. Во-первых, это наблюдалось на достаточно коротком хронологическом интервале. Во-вторых, происходило за счет опережающего роста отраслей, ориентированных на выполнение внеэкономических военных задач. В-третьих, осуществлялось за счет изъятия ресурсов и деградации отраслей конечного потребления домохозяйств, а также высоких социальных издержек (о чем не забывает напомнить и автор). Наконец, межстрановые сравнения⁵ показывают, что даже в период 1930-1950-х гг. рост советской экономики не был выдающимся, если брать аналогичные периоды индустриальных модернизаций в других странах (прежде всего, это касается Японии в 1920-1930-е гг. и других восточноазиатских экономик в 1950-1980-е гг.) и учитывать прирост факторов производства (физического и человеческого капитала).

При этом следует согласиться с автором (а также с цитируемыми им Г. Х. Поповым, Г. А. Явлинским, Е. Т. Гайдаром) в том, что произошедшие после смерти И. В. Сталина институциональные изменения по децентрализации управления экономикой имели негативные последствия для ее развития. Определенное время действовала инерция, но иных работающих конструктивных социальных институтов и механизмов, стимулирующих производительный труд и отбор кадров, создано не было. Начавшийся в 1950-е гг. подрыв механизмов командной экономики оценивается как «во многом преждевременный» (Ханин, 2008. Т. 1. С. 135) в свете того, что Советскому Союзу так и не удалось сформировать жизнеспособную экономическую систему, чтобы обеспечивать устойчивый, длительный и быстрый экономический рост, не прибегая к репрессивным методам (Ханин, 2008. Т. 1. С. 507). Таким образом, труд Г. И. Ханина дает богатый эмпирический материал для верификации модели «принципал-агент», с помощью которой механизмы функционирования централизованно управляемой экономики получили объяснение в работах Я. Корнаи (Корнаи, 2000. С. 137-156) и П. Грегори (Грегори, 2008. С. 22-23, 166-270, 317-333).

⁵ Например, проведенные Э. Мэддисоном (Мэддисон, 2007. С. 578-579); соответствующую обновленную базу данных см: (<http://www.ggd.net/MADDISON/oriindex.htm>). Компаративный анализ советского экономического роста см. также в (Easterly and Fischer, 1995. P. 343-347). Одно из последних исследований с применением эконометрического инструментария неоклассики (Cheremukhin et al., 2015) показывает, что достигнутый советской экономикой к началу Второй мировой войны объем ВВП примерно соответствует долгосрочному тренду роста экономики дореволюционной России.

Попытки постепенных рыночных преобразований и крах советской экономики

2 том посвящен переломному периоду «перестройки», начальный этап которой (1985-1987 гг.) рассматривался в конце 1 тома. В его последней главе показано, что политическое руководство СССР еще в период «застоя» осознавало наличие негативных тенденций и пыталось их, по крайней мере, приостановить.

Что касается показателей макроэкономической стабильности, устойчивости финансово-кредитной и денежной систем, автор также справедливо отмечает наличие негативных тенденций в позднесоветский период (с середины 1960-х гг.). Однако их масштаб все же был далек от критического. По этим показателям в 1985 г. (и даже в 1987 г.) СССР находился в очень хорошей форме по сравнению с наиболее развитыми странами мира. Таким образом, содержание 2 тома документирует, как за короткий период (всего лишь 5 лет) развитие негативных процессов привело советское государство, общество и экономику к системному распаду.

Автор обращает внимание на сильную диспропорциональность развития различных сегментов советской экономики. В разных ее отраслях расстояние до технологического и организационного уровня наиболее развитых стран мира было разным. Если в одних его практически не было, другие находились на уровне среднеразвитых стран мира, то многие (сельское хозяйство и сфера услуг) – на уровне развивающихся стран. Справедливо отмечается, что указанная неравномерность являлась следствием приоритетного развития одних отраслей за счет других (Ханин, 2010. Т. 2. С. 10), что, добавим от себя, характерно для многих стран догоняющей модернизации. Обращает внимание автор и на сильную дифференциацию в сфере человеческого капитала (Ханин, 2010. Т. 2. С. 10-11).

Советская промышленность накануне перестройки характеризуется как крайне неэффективная, с завышенной численностью работающих и оплатой их труда (Ханин, 2008. Т. 1. С. 442). Именно наличие отмеченных структурных диспропорций определило сокращение промышленного производства и деиндустриализацию в 1990-е гг. Автор признает, что хозяйственный маневр, необходимый для ответа на стоявшие перед экономикой вызовы, в случае реализации адекватной экономической политики повторил бы структурные изменения 1990-х гг., но принял бы более умеренные и постепенные масштабы (Ханин, 2010. Т. 2. С. 14). Он считает оправданным сокращение производственных капиталовложений в некоторых отраслях (Ханин, 2010. Т. 2. С. 159). Также оправданной, по его мнению, была и реструктуризация на микроэкономическом уровне: предприятия, дававшие отрицательную добавленную стоимость, с пользой для экономики следовало закрывать, а использовавшиеся ими сырьевые ресурсы экспортировать (Ханин, 2014. Т. 3. С. 686).

Автор обращает внимание, что неожиданным результатом перестройки стали ошеломляющие темпы возникновения частных хозяйственных рыночных структур (Ханин, 2010. Т. 2. С. 360), то есть явно недооценивались предпринимательские способности советского народа. При этом противопоставляются проявления расточительности и демонстративного потребления кооператоров и других частных предпринимателей первой волны как западным протестантским бизнесменам XVII-XVIII вв., так и русским старообрядцам (Ханин, 2010. Т. 2. С. 119). Также обращается внимание на рентный характер их доходов, который вытекал из использования слабостей командной экономики.

Следует согласиться с автором, что отсутствие «стен» между кооперативами и государственными предприятиями имело результатом более деструктивный характер воздействия на экономическую систему по сравнению с другими социалистическими странами (Ханин, 2010. Т. 2. С. 36, 49-50). Но вызывает удивление вывод, что в период перестройки институты командной экономики доказали свои неоспоримые преимущества перед новыми рыночными (Ханин, 2010.

Т. 2. С. 148). Может быть дело в том, что экономическая политика в период перестройки состояла в череде бессистемных и поспешных импровизаций, которые привели функционировавшие экономические институты в состояние полной дезорганизации (Ханин, 2010. Т. 2. С. 359)? И в совпадении трех революционных факторов, объясняющих глубину кризиса: развал экономических и политических институтов командной экономики, демократизация общества (по существу – идеологический кризис) и дезинтеграция СССР (за счет роста националистических настроений в союзных и автономных республиках)?

По сути Г. И. Ханин принимает позицию Е. Т. Гайдара (Гайдар, 2005. С. 365-366), когда пишет, что стратегию на радикальную либерализацию можно оправдать ее вынужденностью после краха всех государственных структур после событий августа 1991 г. (Ханин, 2010. Т. 2. С. 359-360). В том же ключе следует воспринимать мнение автора, что без смены состава правящего класса был невозможен слом механизма отрицательного отбора, приводившего к торможению экономического роста (Ханин, 2010. Т. 2. С. 11).

Радикальные рыночные реформы в постсоветской России

В отношении широты и глубины анализа постсоветской экономики в 3 томе труд Г. И. Ханина сравним с 3-томной работой «Экономика переходного периода» (Гайдар (рук. авт. колл.), 1998; 2003; 2008), хронологически покрывающей более широкий период 1991-2007 гг. (рассматриваемый автором период – 1 томом коллективной работы сопоставимого объема), в написании которой принимали участие десятки человек – компетентных специалистов в разных отраслях и сферах экономической деятельности. Ряд его основных авторов (в первую очередь Е. Т. Гайдар) принимал непосредственное участие в выработке и реализации экономической политики, что все же придает этому труду определенную политическую ангажированность (но не означает презумпцию недобросовестности и/или непрофессионализма его авторов).

В отличие от вышеуказанных авторов, Г. И. Ханин справедливо отмечает, что проводившаяся с 1992 г. либерализация экономики была продолжением тенденций предшествующего периода, а не качественным разрывом с ними. Принципиальным же изменением 1992 г. выступало прекращение директивного планирования, как и практическая ликвидация прежней системы материально-технического снабжения и сбыта (Ханин, 2014. Т. 3. С. 10-11).

Через 2 и 3 тома красной нитью проходит мысль о высоких (по сравнению с другими бывшими социалистическими странами) издержках институциональных реформ в направлении рыночной экономики и «паразитировании» российского частного сектора за счет государственного, то есть рентном характере доходов первого.

Многие факторы, определившие высокие издержки перехода к рыночным отношениям, указывались и в предшествующей литературе⁶, в частности, информационная непрозрачность, слабые навыки поведения экономических субъектов в рыночных условиях, попадание в институциональные ловушки, неудачи в создании отвечающих специфике переходной экономики промежуточных институтов.

С учетом слабости внутренних предпосылок для перехода к капитализму, задача по превращению «ухи» в «аквариум»⁷ была особенно сложной для советской экономики, не имевшей как «преимущества отсталости» китайской, так и элементов рыночных структур, сохранившихся в странах Центральной и Восточной Европы. Материал книги подтверждает мысль В. В. Попова (Попов, 2011. С. 32): именно вследствие ослабления институтов во многом оказались неудачными и постепенные

⁶ Наиболее глубокий, по нашему мнению, критический анализ дан В. М. Полтеровичем (Полтерович, 2007) и В. В. Поповым (Попов, 2011).

⁷ Метафоры, принадлежащие первому президенту постсоциалистической Польши Л. Валенсе и обозначающие централизованную и рыночную экономику.

реформы в направлении либерализации экономики, проводившиеся авторитарным режимом в период перестройки, и попытки радикальных реформ в том же направлении, предпринятые более демократическим по форме российским режимом.

Автор справедливо обращает внимание, что, как и в ходе институциональных преобразований 1930-х гг. в направлении централизации экономики, *скорость* в проведении рыночных реформ вновь становилась критерием их эффективности. Так, ваучерная приватизация была проведена за срок чуть более полутора лет, однако поставленная перед ней цель (формирование массового слоя мелких акционеров) так и не была достигнута (Ханин, 2014. Т. 3. С. 34, 43-44). Аналогично и в сельском хозяйстве: доля продукции фермеров никогда не поднималась выше величины статистической погрешности (Ханин, 2014. Т. 3. С. 64-66, 120-122). По объему привлечения прямых и портфельных инвестиций на душу населения Россия в разы отставала от других бывших социалистических стран и Китая (Ханин, 2014. Т. 3. С. 69-70).

Что касается залоговых аукционов, то данные, приводимые автором (Ханин, 2014. Т. 3. С. 46-47), скорее свидетельствуют о близости стоимости приобретения акций крупнейших предприятий на аукционах к их рыночной стоимости (если сопоставить динамику стоимости предприятий с динамикой российского фондового индекса РТС за соответствующий период). Это, впрочем, не ставит под сомнение доминирование политических мотивов их проведения и сверхвысокий уровень доходности данной операции для новых собственников.

Но вряд ли из указанных неудач с неизбежностью следует вывод, что попытка перехода к капитализму провалилась (Ханин, 2014. Т. 3. С. 388). Автор и сам отмечает неготовность российского общества к возврату к командной экономике и необходимость значительных издержек в случае таких попыток. И признает, что наблюдался очевидный прогресс в деятельности новых хозяйственных институтов (Ханин, 2014. Т. 3. С. 689). В частности, в отдельных отраслях (например, автомобильный транспорт, связь) бурно развивавшееся частное предпринимательство сумело компенсировать разрушения в бывшем государственном секторе (Ханин, 2014. Т. 3. С. 147, 165-167).

В период 1990-х гг., характеризовавшийся радикальной отраслевой реструктуризацией, в целом расстояние от мирового технологического и организационного уровня увеличилось, но были созданы основы институциональной среды рыночной экономики. Содержание 3 тома и на обширном статистическом материале (включая производные от него расчеты), и на отдельных примерах показывает, насколько противоречивым был этот процесс, насколько дисфункциональными часто оказывались эти институты в ходе их трансплантации из иной среды и сколь высокими экономическими издержками сопровождался их отбор, адаптация и последующее развитие.

В этой связи следует отметить, что любые экономические, социальные и политические изменения осуществляются и становятся жизнеспособными, когда они обретают заинтересованных в них субъектов. Кто мог быть субъектами экономических изменений в позднем СССР? Исходя из работы Ханина (и не только), можно увидеть, что это многие слои советской хозяйственной номенклатуры («красные директора» как ее верхний слой), нелегальные предприниматели и лишь в небольшой части современные предприниматели в интеллектуалоемком секторе. Кто мог в условиях централизованно управляемой экономики в наибольшей степени подготовиться к действиям в условиях рыночной экономики? Разумеется, субъекты, практики которых характеризовались частичной или полной внесистемностью по отношению к первой.

Среди сильных сторон 3 тома, посвященного постсоветскому периоду, следует особо отметить профессионально написанные главы, в которых анализируются отдельные отрасли и сектора экономики. Особенно в отношении финансового

сектора и его различных институтов. Являясь одним из немногих советских специалистов по рынку ценных бумаг (этой проблематикой на материале зарубежных стран автор обсуждаемого труда занимался еще в начале 1970-х гг.), Г. И. Ханин продемонстрировал понимание механизмов его функционирования и роли в различных экономических системах, представив многостороннюю картину развития этого рынка в постсоветской России.

В частности, автор справедливо указывает, что в первой половине 1990-х гг. доходы банков обеспечивались в основном высокой инфляцией, то есть извлечением ренты из этой негативной черты экономического развития данного периода. В то время как после исчерпания потенциала «инфляционного перераспределения» – доходами от высоких реальных ставок по государственным ценным бумагам. И совершенно правильно отмечает: особого выбора у банков не было, поскольку другие варианты размещения средств были еще хуже (Ханин, 2014. Т. 3. С. 193).

На примере финансового сектора Г. И. Ханин конкретизирует положение, что накопленный в советские годы человеческий капитал позволял быстро освоить новые сферы деятельности (Ханин, 2014. Т. 3. С. 687). С точки зрения структурной динамики российского человеческого капитала особенно интересно описание им процессов «интеллектуальной конверсии» – миграции высококвалифицированных кадров преимущественно из наукоемких отраслей, связанных с ВПК, в финансовый сектор. Следует отметить, что этот сектор является одним из самых интеллектуалоемких в современной российской экономике: доля работников с высшим и послевузовским образованием, по данным Росстата, в сфере «финансовой деятельности» оценивается на 2 месте после деятельности в сфере «научные исследования и разработки» (70,2% против 74,3% в 2012 г.) (Российский статистический ежегодник, 2013. С. 121).

Основные методологические вопросы

Содержание **всех 3 томов** выводит на обсуждение вопроса об альтернативности исторического развития. Этот важный для историков (и не только экономических) вопрос не поставлен им прямо, но, похоже, принципиально решается положительно. В частности, во 2 томе автор отмечает наличие широкого спектра возможных стратегий в начале перестройки и их сужение к окончанию данного периода. Если в середине 1980-х гг. имелись реальные возможности преодолеть застой и надвигавшийся экономический кризис (Ханин, 2010. Т. 2. С. 12), то в 1991 г. пространство выбора значительно сузилось. Автор подробно рассматривает указанные сценарии в 8 главе 2 тома и отмечает многочисленные противоречия и трудности реализации каждого из них.

Г. И. Ханин позиционирует себя как сторонника модернизационной парадигмы, характеризуя комплекс процессов развития советской экономики (не только в технологическом, но также в социальном и в институциональном аспектах) как модернизацию (Ханин, 2008. Т. 1. С. 8, 15). К сожалению, автором не сформулированы в явном виде критерии модернизации, хотя бы в виде отсылок к соответствующей теоретической литературе. В этом плане принципиально важным является ответ на вопрос: насколько процессы советской индустриализации 1930-х – начала 1950-х гг. (включая сопутствующие социальные изменения) можно характеризовать как «модернизацию»? Ведь в указанный период происходила регенерация многих социальных, политических и экономических институтов на довольно архаичной основе. Аналогичный вопрос возникает и применительно к периоду 1990-х гг., в отношении которого автор делает обоснованный вывод, что в структурной динамике российской экономики преобладали черты демодернизации и архаизации (Ханин, 2014. Т. 3. С. 689).

В данном вопросе мы скорее согласны с подходом Г. И. Ханина и также рассматриваем социалистическую экономику как особый исторический тип индустриального развития, в отношении которого релевантна существенная

характеристика «современного экономического роста» (в терминологии С. Кузнеця) - увеличение производительности на основе применения в производстве новых знаний, полученных и распространенных в результате развития науки и образования (*Kuznets, 1966. P. 81–82, 286–294*).

Для понимания связи экономических и социальных изменений, происходивших как в советский, так и в постсоветский период, принципиально важным, по нашему мнению, является концепт «власть-собственность». Данный институт, характерный для «азиатского способа производства» и заключающийся в нерасчлененном единстве функций политической и экономической власти, в России в советский и постсоветский периоды устойчиво воспроизводился, несмотря на происходившие процессы модернизации (*Нуреев, 2009. С. 58-107, 130-169*), что демонстрировало наличие сильной институциональной инерции. Добавим, что советская модернизация была охарактеризована А. Г. Вишневым парадоксальным, но в то же время очень емким термином «консервативная» (*Вишневский, 2010*). На том основании, что движение к современным технологической базе экономики, социальной структуре общества и высокому образовательному уровню рабочей силы сочеталось с идеологической унификацией и возрождением традиционалистских ценностей и институтов. Вероятно, именно поэтому такая модернизация оказалась успешной в тех аспектах, о которых пишет Г. И. Ханин.

Разрушение в ходе социальной и политической революции сравнительно современных и сложных институтов, формировавшихся в Российской империи на протяжении полутора веков, привело к регенерации в 1920-1930-е гг. архаичных и более примитивных институтов (прежде всего, власти-собственности) и созданию на этой основе новой системы централизованного управления экономикой. И именно эта система обеспечила проведение индустриальной модернизации страны мобилизационными методами; но с созданием индустриальной экономики стала, с одной стороны, тормозить ее дальнейшее развитие, а с другой – сама эволюционировать в направлении ослабления и распада.

По нашему мнению, инициированная в конце 1980-х гг. «сверху» системная социально-экономическая трансформация общества во многом подтвердила прогнозы, сделанные ранее сторонниками модернизационной парадигмы⁸: экономический рост, базирующийся на распространении индустриальных технологий, и сопутствующие социальные трансформации (урбанизация, повышение образовательного уровня населения, демографический переход) ведут к изменениям экономических и политических институтов в направлении их рационализации и многообразия, к повышению сложности социально-экономической системы и к усилению автономии ее элементов. Причиной этого является взаимосвязанность модернизационных процессов, несмотря на их нелинейный характер и часто инверсионную стадийную последовательность (*Диденко, 2011. С. 163-164*).

Российская реальность 1990-х гг. в очередной раз опровергла линейные теоретические представления о характере модернизации: процессы системной трансформации сопровождались высокими экономическими и социальными издержками; относительно успешные результаты имплантации «современных» технологий и институтов в одних направлениях сопровождались деструктивными процессами и нарастанием проявлений архаизации в других (*Диденко, 2011. С. 164*). Аналогичным образом модернизационные изменения осуществлялись и в ходе мобилизационной индустриализации при создании централизованной системы управления экономикой.

Признание наличия сильной институциональной инерции и высоких издержек осуществления глубоких социально-экономических преобразований в случае, если приоритетом является их скорость, подводит к мысли о предпочтительности градуалистского подхода. Но Г. И. Ханин лишь подходит, но не

⁸ См., напр.: (*Kuznets, 1966. P. 508*).

дает прямого ответа на ключевой вопрос: почему в СССР ни в конце 1920-х, ни в конце 1980-х годов его не удалось реализовать и двигаться в сторону социально ориентированной рыночной модели? Аналогично тому, как с конца 1970-х гг. в Китае под социалистическими знаменами удалось реализовать иную модель модернизации, которая по многим характеристикам определенно ближе к сценарию продолжения НЭПа в СССР. При том, что масштаб экономик двух стран был сопоставим, а в конце 1920-х гг. сопоставимыми были и уровень экономического развития и социальная структура; при наличии многих общих черт в политической структуре и идеологии. К опыту Китая автор обращается лишь изредка, в том числе ведя речь о первых (1985-1987) годах перестройки (Ханин, 2008. Т. 1. С. 367). При этом объяснение ограничивается «малокомпетентностью, легкомысленностью верхов» и «малоквалифицированностью, безответственностью, корыстью, неорганизованностью низов». По нашему мнению, ключом к ответу на поставленный вопрос может стать точка зрения В. В. Попова (Попов, 2011. С. 25-33, 310-316), что китайский путь в СССР был невозможен вследствие прогрессирующей слабости институтов. Материал работы Г. И. Ханина скорее дает аргументы в пользу такого вывода.

На первый взгляд, автор много внимания уделяет оценкам личных качеств руководителей советской (в несколько меньшей степени постсоветской) экономики, как на высшем, так и на отраслевом уровне. Но по большому счету, в этом есть веские причины. В отличие от рыночной экономики, где ошибки и недостатки руководителей достаточно быстро проявляются и корректируются механизмами конкуренции и институтами корпоративного управления, в централизованной экономике роль личности руководителей особенно высока. Совершенно обоснованно возникает вопрос: насколько адекватен был человеческий капитал руководящих кадров вызовам, стоявшим перед национальной экономикой? Попытка ответить на него во многом предполагает придание экономической истории «человеческого измерения». В то же время авторские оценки личных качеств хозяйственных и политических руководителей очень субъективны, и вряд ли их можно считать самой сильной частью работы. Не до конца понятно, какими критериями он руководствуется, хотя многое здесь, конечно, не формализуемо.

По ходу изложения автор оперирует значительным количеством статистического материала, включая собственные альтернативные расчеты и оценки по таким важнейшим показателям (в динамике), как объем ВВП и его компонентов; объем и уровень износа основных фондов; объем выпуска, добавленной стоимости в отдельных отраслях и секторах экономики, а также уровень рентабельности и производительности труда; дифференциация доходов населения; величина важнейших статей платежного баланса. Особое внимание уделяется оценке фактора производства, конституирующего индустриальную экономику, а именно – физического капитала (основных фондов). По мнению автора, которое мы разделяем лишь частично, она существенно занижается в официальных статистических данных. Как добросовестный и квалифицированный исследователь, Г. И. Ханин критически относится к имеющимся в его распоряжении статистическим данным. Собственно, профессионализм и историка, и экономиста начинается с критики источника и адекватного определения его информационной ценности. В отношении постсоветского периода альтернативные (по отношению к официальным) оценки автора являются одними из немногих в литературе и, пожалуй, единственными по широте набора показателей. Автор верифицирует официальную российскую статистику на предмет достоверности, подверженности разного рода искажениям, несогласованности различных показателей, выявляет методически слабые стороны их расчета. Это очень трудоемкая и важная работа, не претендующая на то, чтобы заменить официальную статистику, но способная дать инструментальный аудит. В свою очередь результаты альтернативных расчетов Г. И. Ханина не являются истиной в последней инстанции и также подвержены

научной критике. Для последующего использования этих результатов другими исследователями работе очень не хватает единого статистического приложения. Тем более что многие ранее опубликованные результаты расчетов не вошли в рассматриваемое издание. Возможно, автор учтет такую потребность при окончательной доработке столь фундаментального труда.

Значительное место во всех 3 томах уделено хозяйственным отношениям, осуществляемым с нарушением правовых институциональных ограничений и скрываемым от официальной статистики, то есть «теневой экономике». Особо подчеркивается ее разрушительный характер по отношению к советской экономической системе. Вряд ли в этом вопросе стоило ограничиваться оценкой с позиции «раз незаконная – значит деструктивная». Плодотворнее было бы осветить две роли теневой экономики и экономической преступности – конструктивную и деструктивную и изменение их соотношений на различных этапах. Только на основе полного учета этих функций теневых экономических отношений в институциональном развитии общества возможно эффективное противодействие им⁹. Например, с возникшим запросом со стороны легальной экономики на институты защиты собственности и обеспечения исполнения контрактов юридически незаконные силовые структуры стали замещать государственные функции там, где официальные правоохранительные органы оказались неготовыми и неспособными их выполнять. Во многом этим объясняются их толерантные отношения и даже элементы сотрудничества.

Также заметное внимание во всех 3 томах уделено отечественной экономической мысли. В то же время глава об экономической (и не только) науке в конце 2 тома не слишком удачно сочетается с основной частью книги (вероятно, поэтому и включена как приложение). Лучше автору удалось показать экономические дискуссии эпохи перестройки (*Ханин, 2010. Т. 2. Гл. 8*) и 1990-х гг. (*Ханин, 2014. Т. 3. Гл. 14*). Но здесь без ответа остается вопрос: каково соотношение политических платформ и направлений фундаментальной экономической науки? Заметным пробелом представляется то, что в этих главах не упомянуты достаточно профессиональные работы экономистов из Института экономики переходного периода (ныне Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара), которых можно было бы отнести к «радикальным рыночникам». Наконец, автор не отвечает на другой важный вопрос: насколько имела место обратная связь между потребностями и интересами экономических субъектов и экономической мыслью. Как и многие ученые и публицисты, он исходит из того, что идеологически (в данном случае либерально) ориентированная экономическая мысль влияла (и преимущественно отрицательным образом) на экономическую политику. Действительно, в революционные эпохи влияние идеологий на экономическую политику становится более сильным, чем в периоды эволюционного развития. В данном случае новые идеологические представления российского руководства действительно могли определять выбор иностранных экономических консультантов (*Ханин, 2014. Т. 3. С. 305*). Но реализация их предложений оказывалась выборочной в зависимости от соответствия интересам тех или иных элитных групп. Иными словами, даже в случае наличия от научно-экспертного сообщества предложений, которые бы максимально соответствовали критериям экономической эффективности (или оптимально бы сочетали экономическую и социальную эффективность), полнота их реализации определялась бы влиянием заинтересованных субъектов на национальном политическом рынке¹⁰.

⁹ Такой анализ институтов и социальной роли теневой экономики проведен, например, Ю. В. Латовым (*Латов, 2001*).

¹⁰ Теоретический анализ данной проблемы проведен С. А. Афонцевым (*Афонцев, 2007*).

* * *

Таким образом, в этом фундаментальном и разностороннем труде по отечественной экономической истории содержится много ценной информации для профессионалов и всех интересующихся российской экономической историей. В нем также много спорных, дискуссионных моментов. Каждый из них достоин отдельного рассмотрения и критического обсуждения. Но это и показатель содержательности труда, а также неординарности авторского подхода.

Учитывая, что 3 том заявлен в 2 частях, а 2 часть пока находится в работе, хочется пожелать Г. И. Ханину ее успешного завершения хронологически до настоящего времени, где экономическая история переходит в нашу современность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аллен Р. С. (2013). От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН.

Афонцев С. А. (2007). Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига.

Бокарёв Ю. П. (2007). СССР и становление постиндустриального общества на Западе: 1970–1980-е годы. М.: Наука.

Вишневский А. Г. (2010). Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: ГУ-ВШЭ.

Гайдар Е. (рук. авт. кол.) (1998 [2003, 2008]). Экономика переходного периода / В 3 т. М.: Дело.

Гайдар Е. Т. (2005). Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело.

Грегори П. (2008). Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Диденко Д. (2011). Инновационное и догоняющее развитие: две стратегии модернизации российской интеллектуалоёмкой экономики // *Экономическая политика*. № 1, с. 158-169.

Диденко Д. В. (2012). Экономическая эффективность догоняющей модернизации советской образовательной системы в межстрановом сопоставлении // *Экономическая история: Ежегодник. 2011/2012*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) / Отв. ред. Л. И. Бородин, Ю. А. Петров, С. А. Саломатина, с. 618-650.

Корнаи Я. (2000). Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики».

Латов Ю. В. (2001). Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ.

Мэддисон Э. (2012). Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Издательство Института Гайдара.

Нуреев Р. М. (2009). Россия: особенности институционального развития. М.: Норма.

Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.

Попов В. В. (2011). Стратегии экономического развития. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.

Российский статистический ежегодник. (2013). М.: Росстат.

Фонотов А. Г. (2010). Россия: Инновации и развитие. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний.

Ханин Г. И. (1989). Почему и когда погиб НЭП // *ЭКО*, № 10, с. 66-83.

Ханин Г. И. (2008). Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Изд-во НГТУ.

Ханин Г. И. (2010). Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Новосибирск: Изд-во НГТУ.

Ханин Г. И. (2014). Экономическая история России в новейшее время. Т. 3. Российская экономика в 1992–1998 годы. Новосибирск: Изд-во НГТУ.

Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S. and Tsyvinski A. (2015). The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model. Working Paper. November 2015. (<http://scholar.princeton.edu/golosov/publications/revolution-and-industrialization-russia-through-lenses-neoclassical-growth-theo> - Дата обращения: 19.12.2015).

Easterly W. and Fischer S. (1995). The Soviet economic decline: Historical and republican data // *World Bank Economic Review*, vol. 9, no. 3, pp. 341-371. + Supplementary data. (<http://go.worldbank.org/2VZYLO6N0> - Дата обращения: 19.12.2015).

Fogel R. (1989). Without consent or contract: The rise and fall of American slavery. New York: W.W. Norton.

Kuznets S. (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven - London.

REFERENCES

Afontsev S. A. (2007). Political markets and economic policy. Moscow, KomKniga Publ. (In Russian).

Allen R. C. (2013). Farm to factory: A reinterpretation of the Soviet industrial revolution. Moscow, Publ. House ROSSPEN. (In Russian).

Bokaryov Yu. P. (2007). USSR and the coming of post-industrial society in the West. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).

Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S. and Tsyvinski A. (2015). The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model. Working Paper. November 2015. (<http://scholar.princeton.edu/golosov/publications/revolution-and-industrialization-russia-through-lenses-neoclassical-growth-theo> - Access Date: 19.12.2015).

Didenko D. (2011). Innovation and catch-up development: two modernization strategies for the Russian knowledge-intensive economy. *Ekonomicheskaya Politika*, no. 1, pp. 158-169. (In Russian).

Didenko D. V. (2012). Economic efficiency of catching-up modernization of the Soviet education system in inter-country comparative context. In: L. I. Borodkin, Yu. A. Petrov, S. A. Salomatina (eds.). *Economic History: Yearbook. 2011/2012*. Moscow, Publ. House ROSSPEN, pp. 618-650. (In Russian).

Easterly W. and Fischer S. (1995). The Soviet economic decline: Historical and republican data. *World Bank Economic Review*, vol. 9, no. 3, pp. 341-371. + Supplementary data. (<http://go.worldbank.org/2VZYLO6N0> - Access Date: 19.12.2015).

Fogel R. (1989). Without consent or contract: The rise and fall of American slavery. New York, W.W. Norton.

Fonotov A. G. (2010). Russia: Innovations and development. 2nd ed. Moscow, BINOM Publ. (In Russian).

Gaidar Ye. T. et al. (1998, 2003, 2008). Economics of the transitional period / 3 vols. Moscow, Delo Publ. (In Russian).

Gaidar Ye. T. (2005). A long view. Russia in the world: Essays in economic history. Moscow, Delo Publ. (In Russian).

Gregory P. R. (2008). The Political Economy of Stalinism. 2nd ed. Moscow, Publ. House ROSSPEN; The First President of Russia B. N. Yeltsin Foundation. (In Russian).

Khanin G. I. (1989). Why and when the NEP failed. *EKO*, no. 10, pp. 66-83. (In Russian).

Khanin G. I. (2008). Economic History of Russia in XX century. Vol. 1. Soviet economy from the end 1930s to 1987. Novosibirsk, Publ. House of Novosibirsk State Technical University. (In Russian).

Khanin G. I. (2010). Economic history of Russia in modern time. Vol. 2. Economics of USSR and RSFSR in 1988–1991. Novosibirsk, Publ. House of Novosibirsk State Technical University. (In Russian).

Khanin G. I. (2014). History of the Russian Economy at the Newest Time. Vol. 3. Russian Economy (1992–1998). Novosibirsk, Publ. House of Novosibirsk State Technical University. (In Russian).

Kornai J. (2000). The Socialist System: The Political Economy of Communism. Moscow, NP “Voprosy Ekonomiki Journal”. (In Russian).

Kuznets S. (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven - London.

Latov Yu. V. (2001). Economy beyond the law. Essays in theory and history of the shadow economy. Moscow, MONF Publ. (In Russian).

Maddison A. (2012). Contours of the World Economy, 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History. Moscow, Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).

Nureev R. M. (2009). Russia: Special features of institutional development. Moscow, Norma Publ. (In Russian).

Polterovich V. M. (2007). Elements of the theory on reforms. Moscow, Ekonomika Publ. (In Russian).

Popov V. V. (2011). Strategies of economic development. Moscow, Publ. House of Higher School of Economics. (In Russian).

Russian Statistical Yearbook. (2013). Moscow, Publ. House Rosstat. (In Russian).

JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES
(Журнал институциональных исследований)

Том 8, № 2. 2016

vol. 8, no. 2. 2016

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Учредитель и издатель: ООО «Гуманитарные перспективы».
Адрес редакции и издателя: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.
Тел./факс: +7 (863) 269-88-13. E-mail: hp@donpac.ru; info@hjournal.ru.
Сайт: <http://www.hjournal.ru>

Индекс журнала: в Объединенном каталоге «Пресса России» 82295.
Свободная цена.

Сдано в набор 13.06.2016.
Подписано в печать 22.06.2016.
Тираж: 500 экз. Заказ № 185.
Выход в свет: 25.06.2016.

Формат 60x84 1/8. Гарнитура CenturySch.
Печать цифровая. 8,74 п. л.

Отпечатано в Издательстве Фонда «Содействие—XXI век».
Адрес типографии: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 43, оф. 9.
Тел./факс: +7 (863) 269-88-14. Сайт: <http://www.fund21.ru>
